

Сюань Минь с бесстрастным видом взглянул на его короткие лапы с когтями, поднял руку и мягко вернул её обратно, спокойно произнёс: «Благородный муж должен скрывать свою остроту».

Иными словами: не размахивай когтями.

Сюэ Сянь коротко фыркнул: «А тебе-то какое дело?»

Однако от этой затеи он всё же отказался — в нынешнем обличье он плохо контролировал силу. Если бы не рассчитал, одним взмахом когтя можно было бы отправить этого лысого монаха на тот свет, и на следующий год пришлось бы отмечать по нему поминки.

Пусть Сюэ Сянь и испытывал к Сюань Миню некоторое раздражение, но до убийства дело не доходило.

Раз уж насолить монаху не вышло, настроение его испортилось ещё больше. Он повернулся, махнул рукой на Сюань Миня и призвал клубящееся облако. Белесый туман мгновенно сгустился вокруг монаха, окутал его с головы до ног и скрыл всё вокруг.

Сюэ Сянь тут же взмахнул когтем, перерезав узел на свёртке с одеждой, и его огромное тело окуталось ослепительным сиянием. Свет был ярчайшим, но для Сюань Миня, отгороженного пеленой тумана, он казался мягким и приглушённым.

Вспышка озарила Сюэ Сяня, и он обрёл человеческий облик. Он, истинный дракон, даже с полупарализованным телом, легко справлялся с магическими искусствами. Одеться тоже не составляло труда. Свет ещё не успел рассеяться, а он уже был почти одет.

Сюань Минь сначала хотел предложить помощь, но, видя такое, решил, что она не нужна. Он стоял в морозном, зимнем тумане, глядел на угасающее сияние и спокойно ждал.

Туман, однако, долго не держится. С того момента, как он окутал Сюань Миня, он начал редеть и рассеиваться.

Как только пелена стала достаточно прозрачной, чтобы разглядеть окружение, Сюэ Сянь как раз набрасывал на себя широкую, подобную облаку, одежду. Узкая талия и очертания лопаток, проступившие под движением рук, мелькнули на мгновение, прежде чем скрыться под чёрными одеяниями.

Фасон одежды был предельно прост и аскетичен, без малейших украшений или узоров — полная противоположность обычному беспокойному нраву Сюэ Сяня.

Но именно такую он и предпочитал носить.

Чёрный воротник оттенял бледность его щеки и обнажённого участка шеи — бледность почти болезненную. Когда он не смеялся и не дурачился, его тёмные глаза были лениво полуприкрыты, а ресницы, в тон одежде, отбрасывали на внешние уголки глаз тонкую тень. В сочетании с безразличными губами это выглядело прекрасно, но почему-то отстранённо и холодно.

Возможно, из-за мелькнувшей бледной кожи спины, а может, из-за бесстрастного профиля Сюэ Сяня, так непохожего на того, кто с усмешкой взирал со стены дома Лю, — Сюань Минь на миг застыл.

Но вскоре этот негодник снова пришёл в движение.

Его чёрные глаза холодно скользнули в сторону, заметив, что туман рассеялся. Он небрежно поправил ворот, кое-как застегнул скрытые застёжки, а затем, словно фокусник, достал тонкий чёрный шнурок и зажал его в зубах. Проведя рукой по волосам, он собрал их и перевязал шнурком.

Опустив руки, Сюэ Сянь призвал под собой порыв ветра. Опираясь на него, он перевернулся, и полы его чёрных одежд, подобно облакам, взметнулись и вновь опали. В мгновение ока он уже бесцеремонно притянул к себе деревянный стул и развалился на нём.

Даже будучи наполовину парализованным, он умудрялся принимать напыщенные позы — что это за манера?

Сюань Минь: «...»

— Ну, теперь можно идти? — Сюэ Сянь постучал костяшками пальцев по подлокотнику.

Сюань Минь ответил «угу», окинул его взглядом и шагнул вперёд, собираясь протянуть руку.

Сюэ Сянь тут же шлёпнул по подлокотнику, и стул с противным скрипом отъехал назад, унося его на полметра. Он уставился на монаха в изумлении:

— Ты что делаешь?

Сюань Минь опустил руку:

— Иначе как ты собираешься вернуться? Можешь идти? Или летать?

«А я как раз летать и могу, вот что!» — мысленно парировал Сюэ Сянь, но вслух не произнёс. Ведь он не мог просто взлететь среди бела дня — так можно было напугать до смерти всех жителей уезда.

В тот момент, когда он сидел с недовольным видом, Сюань Минь, этот лысый монах, решил подлить масла в огонь:

— Или... ты планируешь, как и прежде, призывать порывы ветра и скакать обратно вместе со стулом?

Сюэ Сянь: «...» Зачем я колебался? Надо было прихлопнуть его одним ударом, раз и навсегда, чтобы не досаждал своими колкостями, да ещё и с таким серьёзным видом... Пф! Кому ты нужен?

Мысленно исторгнув кровавую рвоту, он с каменным лицом промолвил:

— Ладно, сделай одолжение. Повернись, присядь и понеси меня на...

Сюэ Сянь собирался сказать «на спине», но Сюань Минь уже невозмутимо подошёл, наклонился, одной рукой обхватил его под шеей, другой под коленями и с лёгкостью поднял. Словно поднимал не взрослого мужчину, а всего лишь листок.

Выпрямляясь, он бесстрастно произнёс:

— Я не приседаю и не преклоняю колен, и в ходьбе спину не гну.

Сюэ Сянь едва не изверг на него свои внутренности: «Врёшь! В лекарском зале семьи Цзян, когда копал меня тем медным совком, ты приседал без всяких проблем!»

Но сейчас он целиком находился в руках этого лысого монаха, и лишние телодвижения могли привести к падению и полному позору. Сюэ Сянь, сдерживая ярость, едва не задохнулся. Он окинул взглядом окружение: такая поза делала его жалким и лишала всякого достоинства.

Глаза негодника сверкнули, и ему в голову пришла идея.

Он тут же подхватил развёрнутый свёрток с одеждой, вытряхнул оттуда ещё один чёрный халат и накрылся им с головы до ног.

Если уж приходится позориться, помни главное — скрой лицо.

Негодник и так был одет во всё чёрное, а теперь, укрытый чёрной тканью с головой, он болтался в руках Сюань Миня, словно гробовая крышка, точь-в-точь как только что испутивший дух.

Сюань Минь и этому нашёлся что противопоставить: «...»

Проведя некоторое время в этой позе, Сюэ Сянь вспомнил о Каменщике Чжане, который всё ещё стоял поодаль. Он поднял бледную, худую, почти призрачную руку и небрежно махнул. Оглушительный раскат грома, способный разбудить всех в округе, обрушился прямо над ухом Каменщика Чжана, возвращая того к сознанию.

С плачущим лицом Каменщик Чжан поднялся, постыдно встал за спиной Сюань Миня, а затем, увидев человека у него на руках, так перепугался, что едва не грохнулся, и лишь спустя время смог выпрямить дрожащие ноги.

Из-под одежды донёсся глухой голос Сюэ Сяня:

— Всё, пошли.

Сюань Минь покачал головой и широким шагом вышел со двора.

Стоит признать, что оригинальный метод этого привереды возымел эффект: по дороге почти никто не решался бросать взгляды в сторону Сюань Миня. Завидев в его руках нечто, похожее на покойника, люди с недовольными лицами отворачивались, прикрывались и спешно проходили мимо, не желая смотреть лишний раз.

Когда они втроём (и «тело») вошли во двор дома Лу, уже смеркалось. Цзян Шинин как раз выходил из кухни и так перепугался при виде человека на руках у Сюань Миня, что чуть не уронил лампу. Он провёл со Сюэ Сянем больше времени, чем монах, и, будучи внимательным до мелочей, сразу узнал его безвольно свисающую руку.

Рука, державшая лампу, дрогнула, и он едва не швырнул её, чтобы броситься на помощь. К счастью, Сюань Минь вовремя пояснил:

— Жив-здоров, просто притворяется мёртвым.

Цзян Шинин: «... И в какую же он теперь играет пьесу?»

Сюань Минь не ответил, широким шагом прошёл в главную комнату и усадил привереду на стул у квадратного стола.

Только тогда Сюэ Сянь сбросил с лица одежду и с облегчением выдохнул:

— Чуть не задохнулся.

Цзян Шинин с досадой поставил масляную лампу на стол:

— Сам виноват.

Его взгляд скользнул на Каменщика Чжана:

— А это кто?

Тот вздрогнул от его безжизненного взгляда и, запинаясь, ответил:

— Я... я просто каменщик. Можете звать меня Лао Чжан или Каменщик Чжан.

Сюэ Сянь указал на каменный замок, прислонённый к стене:

— Посмотри, это твоя работа?

<http://bllate.org/book/16289/1468019>